

**Акимат Актюбинской области
Актюбинское областное управление культуры
Областной центр истории, этнографии и археологии
Институт археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК
Актюбинский государственный педагогический институт**

А.Х. Маргулан —

**Материалы международной научной конференции
«Кадырбаевские чтения – 2007»**

16-18 мая 2007 года

Актобе 2007

ББК 63.4
К 13

Редакционная коллегия:

Самашев З.С. – к.и.н., зав. отделом Института археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК;
Курманкулов Ж.К. – к.и.н, зав. отделом Института археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК;
Султангалиева Г.С. – д.и.н., декан исторического факультета АГПИ; Гуцалов С.Ю. – к.и.н,
с.н.с. Челябинского научного центра УрО РАН.

Ответственные секретари: Уразов А.А., Дуйсенгали М.Н., Успанова Г.Е., Бидагулов Н.Т.

К 13 Кадырбаевские чтения. Материалы международной научной конференции. – Актобе:
«ПринтА», 2007. -376с.

ISBN 9965-819-14-9

В данном сборнике собраны материалы докладов исследователей из городов Казахстана и СНГ – Алматы, Астаны, Караганды, Барнаула, Улан-Удэ, Уфы, Ташкента, Челябинска и др. посвященные актуальным проблемам археологии, истории и этнографии.

Материалы были собраны к научной конференции, посвященной памяти известного казахстанского археолога М.К. Кадырбаева, внесшего огромный вклад в развитие казахстанской археологии. Его научное наследие оказало большое влияние на процесс становления археологических исследований Актюбинской области, а также на формирование казахстанской археологии как науки в целом. М.К. Кадырбаев являлся одним из основателей крупных региональных экспедиций, результаты работ которых приобрели хрестоматийный характер.

Материалы конференции будут интересны археологам, историкам, этнографам, искусствоведам, преподавателям и студентам исторических факультетов, и всем интересующимся историей Евразии.

Научный редактор – Бисембаев А.А., к.и.н, директор областного центра истории, этнографии и археологии.

Рецензенты:

Байпаков К.М. – д.и.н., профессор, академик НАН РК
Зайберт В.Ф. – д.и.н., профессор

Печатается по решению Ученого совета Института археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК.

На титульной странице использован портрет М.К. Кадырбаева выполненный В.М. Кадырбаевым к сборнику «Вопросы археологии Казахстана» Алматы, 1998.

ББК 63.4

К $\frac{0504000000}{00(05)-07}$

ISBN 9965-819-14-9

© ГKKП «Актюбинский областной центр
истории, этнографии и археологии», Актобе, 2007.

«ТАСМОЛИНЦЫ» И ВНЕШНИЙ МИР¹²

Таиров А.Д.

(Челябинск, Южно-Уральский государственный университет)

В 1966 году в коллективной монографии «Древняя культура Центрального Казахстана» Мир Касымович Кадырбаев дал исчерпывающее описание выделенной им тасмолинской культуры (Кадырбаев, 1966). Яркая и самобытная тасмолинская культура, в том виде, в каком ее представил М.К. Кадырбаев, прочно вошла в число наиболее изученных культур ранних кочевников евразийских степей, стала как бы «визитной карточкой» раннего железного века Центрального Казахстана. С тех пор, не смотря на продолжающиеся до настоящего времени исследования в степной зоне Казахстана, основные характеристики тасмолинской культуры остались практически неизменными¹. Данное обстоятельство избавляет нас от необходимости характеризовать погребальный обряд и инвентарь тасмолинских памятников Центрального Казахстана. Основной задачей данной работы является попытка рассмотрения вопросов взаимодействия носителей тасмолинской культуры с окружающим их населением степной и лесостепной зон Евразии.

Исследования памятников I тыс. до н.э. Северного Казахстана и Южного Зауралья позволили охарактеризовать культуру ранних кочевников этих регионов, которые по своим основным параметрам оказались весьма близки тасмолинской культуре. Относя в целом памятники раннего железного века степной части Северного Казахстана к локальному варианту тасмолинской культуры, М.К. Хабдулина предложила назвать культуру этого времени Северного Казахстана «улубаевско-тасмолинской, подчеркивая тем самым своеобразие археологических комплексов региона, и объединяя их с памятниками Сары-Арки в рамках единой культурной общности» (Хабдулина, 1994, с. 79). Погребальные комплексы ранних кочевников Южного Зауралья VII–VI вв. до н.э. первоначально были включены нами в круг памятников бобровского этапа истории ранних кочевников региона, а позднее выделены в самостоятельную бобровско-тасмолинскую культуру

¹² Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Этнокультурные процессы в урало-казахстанских степях в начале эпохи железа (VII–VI вв. до н.э.)», проект № 07-01-85111а/У.

Южного Зауралья. Несколько ранее мы предложили выделить тасмолинскую историко-этнографическую общность начала I тыс. до н.э., включающую ранних кочевников Южного Зауралья, Северного и Центрального Казахстана (Таиров, 1989, с. 29; 1991, с. 11–13; 1992, с. 26; 2003а, с. 158; 2005, с. 8).

Итак, в начале раннего железного века просторы Урало-Казахстанских степей были заняты носителями трех родственных культур – тасмолинской Центрального Казахстана, улубаевско-тасмолинской Северного Казахстана и бобровско-тасмолинской Южного Зауралья. Все они входили в тасмолинскую историко-этнографическую общность, основой сложения и функционирования которой, явилась пастбищно-кочевая система или система сезонного распределения пастбищ и водных источников (Акишев, 1972; 1986, с. 7–14; Таиров, 1993, с. 3; 2000, с. 125–135). Эта система во многом определила связи ранних кочевников Урало-Казахстанских степей с кочевыми и полукочевыми племенами Средней Азии, прежде всего номадами Приаралья, и населением лесостепи Зауралья и Западной Сибири.

В VII–VI вв. до н.э. ведущей силой на обширных пространствах степей и полупустынь от Урала до Иртыша было, очевидно, объединение племен Центрального Казахстана. Именно оно определяло направление и характер культурных изменений в регионе, являясь своего рода "законодателями моды" не только в материальной, но и в духовной культуре. Это было время расцвета и могущества тасмолинской историко-этнографической общности (Хабдулина, 1994, с. 81, 82). Ведущее положение центральноказахстанских племен в этой общности базировалось, на наш взгляд, на контроле за источниками цветного металла – медными месторождениями Центрального Казахстана, разработки которых продолжались и в раннем железном веке (Кадырбаев, 1966, с. 417, 418; Маргулан, 1972, с. 3–30; Кузнецова Э.Ф., 1993, с. 176, 178).

Так, спектроаналитическое исследование цветного металла из памятников VII–VI вв. до н.э. с территории Челябинской области показывает полное доминирование в это время металла сакского круга, не связанного с южноуральскими источниками. Скорее всего, в это время кочевники Южного Зауралья получали как готовые изделия, так и сырье для собственного металлообрабатывающего производства в основном от своих восточных соседей – племен Центрального Казахстана.

При анализе металлических предметов из памятников VII–VI вв. до н.э. Северного Казахстана выявлены изделия из оловянных, оловянно-мышьяковых и мышьяковых бронз. Среди них абсолютно преобладают изделия из оловянных бронз – 67 % от общей выборки в 70 предметов. Изделий из оловянно-мышьяковых бронз – 29 %, из мышьяковых – всего 4 % (3 образца) (Барцева, 1987, с. 68).

В Центральном Казахстане (данные на 1980 год) из общей выборки в 24 предмета 42 % составляют изделия из оловянных бронз, 25 % – оловянно-мышьяковых, 13 % – мышьяковых, 8 % (2 изделия) – оловянно-свинцово-мышьяковых и 8 % медные. В результате дополнительных исследований количество проанализированных бронзовых предметов из памятников I и II этапов тасмолинской культуры Центрального Казахстана достигло 120 единиц. Из них, по данным Э.Ф. Кузнецовой (1993, с. 175), свыше 65 % составляют изделия из оловянных бронз, около 20 % – из мышьяковисто-оловянных и мышьяковых бронз, 12 % – оловянисто-свинцовых и лишь единичные предметы медные.

По типам сплавов центрально-казахстанскому близко распределение бронзовых изделий из могильника Бешатыр в Восточном Казахстане. Здесь из 49 проанализированных предметов 51 % составляют изделия из оловянных бронз, 29 % – оловянно-мышьяковых, 8 % – мышьяковых, 2 % или 1 предмет – свинцовые, 2 % – свинцово-мышьяковые и 8 % – медные (Барцева, 1987, с. 70; см. также Кузнецова Э.Ф., 1980).

Изделия из оловянных бронз, использование которых в Казахстане восходит еще к эпохе поздней бронзы, Т.Б. Барцева связывает с местными, казахстанскими, центрами. Предметы же из мышьяковой бронзы, в частности зеркала с центральной ручкой-петелькой, чекан и удила со стремевидными окончаниями и дополнительными круглыми отверстиями из североказахстанских комплексов, по ее мнению, связаны, возможно, с алтайскими производственными центрами (Барцева, 1987, с. 71–73). По мнению А.Д. Дегтяревой, "... привозным, по видимости, было сырье из мышьяковых бронз, которое поступало из восточных областей Саяно-Алтая. Однако изделия из них, судя по навыкам металлообработки, изготавливались на месте" (Дегтярева, 1994, с. 25). Однако, по данным М.К. Кадырбаева, на территории Центрального Казахстана – в Северном Прибалхашье в сакское время функционировал крупный центр горного дела и металлургии. Базировался он на меднорудных месторождениях саякской группы. Руды этих месторождений принадлежат к числу редчайших – с естественными примесями содержащих мышьяк минералов и являются готовым природным сырьем для выплавки мышьяковой бронзы (Кадырбаев, 1975, с. 131, 132)².

Вопрос об источниках олова для племен Северного и Центрального Казахстана решается неоднозначно. С одной стороны, в Центральном Казахстане достаточно много месторождений олова, часть которых разрабатывалась уже в древности (Маргулан, 1973, с. 5–7; Кузнецова Э.Ф., 1976, с. 162; 1977, с. 122; 1993, с. 176; Дегтярева, 1994, с. 23; Берденов, 2002, с. 82). С другой стороны, большинство исследователей постулируют поступление оловянной руды и из месторождений Рудного Алтая (Кадырбаев, 1975, с. 131; Кузнецова Э.Ф., 1976, с. 162). Развитая металлургия и металлообработка у тасмолинских племен безусловно требовала значительного количества олова. По нашему мнению, потребность в нем удовлетворялась не только за счет внутренних резер-

вов (месторождения Центрального Казахстана), но и за счет внешних (месторождения Рудного Алтая). А это, в свою очередь, обуславливало и многообразные связи населения тасмолинской общности с племенами Восточного Казахстана и Алтая. Через них, вероятно, осуществлялись связи племен тасмолинской историко-этнографической общности и с более восточными территориями, прежде всего с Тувой.

Таким образом, связи ранних кочевников тасмолинской общности и племен Алтая и сопредельных с ним территорий в VII–VI вв. до н.э. базировались, на наш взгляд, во-первых, на общности происхождения (Таиров, 2003, с. 157–179; 2006, с. 256–298) и, во-вторых, на экономических интересах племен тасмолинской культуры Центрального Казахстана, через которых эти связи в основном и осуществлялись. Контакты "тасмолинцев" Центрального Казахстана с алтайскими племенами выступали в форме непосредственного постоянного взаимодействия. Охватывали они, очевидно, различные сферы жизни кочевых обществ и по своей функциональной направленности были как хозяйственные, главным образом технологические (распространение оружия и орудий, а также навыков), так и социальные, охватывающие, прежде всего, элитарные слои.

Имели место, вероятно, и различного рода потестарно-политические контакты – мы не можем исключить возможности объединения отдельных родов или племен в военные союзы, посылки посольств, обмена дарами и т. п. Возможно такими дарами являются плоды вишни и лоха, обнаруженные в углу погребальной камеры могилы 5 кургана Аржан-2, ареал произрастания которых охватывает Казахстан, в том числе Северный, и территории равнинного Алтая (Королюк, Артемов, 2002, с. 125).

Очевидно также, что контакты племен Центрального Казахстана и Алтая были не только мирными, но и военными, прежде всего военно-грабительскими. На наш взгляд, имели место и миграционные контакты, то есть переселение отдельных родов или родовых групп как с Алтая в Урало-Казахстанские степи, так и в обратном направлении. При таком разнообразии и постоянстве связей, без сомнения, имели место и инфильтрационные контакты – перемещение небольших групп (прежде всего воинских) и отдельных лиц, в том числе при смешанных браках.

Близость происхождения и интенсивные связи, охватывающие различные слои общества, способствовали и развитию духовно-идеологических контактов.

Контакты же кочевников Северного Казахстана и Южного Зауралья с населением Алтая были, естественно, опосредованными и осуществлялись через кочевников Центрального Казахстана. Данное обстоятельство было еще одним фактором, обеспечивающим ведущую роль тасмолинских племен в обществе кочевников Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н.э.

Во второй половине VI – начале V вв. до н.э. в степи и лесостепи Евразии происходят значительные изменения, связанные с распадом прежних этнокультурных образований раннескифского (раннесакского) времени и формированием новых. В Урало-Казахстанских степях наиболее ярко этот период представлен в Южном Зауралье. Здесь на смену бобровско-тасмолинской культуре VII–VI вв. до н.э. приходит прохоровская, вернее зауральский вариант прохоровской культуры, представленный памятниками ее первого древнепрохоровского, или обручевского, этапа конца VI–V вв. до н.э. Памятники древнепрохоровского этапа Южного Зауралья достаточно четко отличаются от бобровско-тасмолинских не только инвентарем, но и основными показателями погребального обряда.

Формирование прохоровской культуры в Южном Зауралье явилось результатом сложного взаимодействия, по крайней мере, четырех основных компонентов. Один из них местный, представленный носителями бобровско-тасмолинской культуры, остальные – пришлые. Последние, судя по имеющимся в настоящее время материалам, представлены саками Юго-Восточного Приаралья, "скифами" восточноевропейской степи и лесостепи, а также кочевниками Северного и Северо-Западного Китая.

Однако эти изменения почти не сказались на племенах тасмолинской общности Северного и Центрального Казахстана, по-прежнему сохранявших свои традиции погребальной обрядности. Отсутствие же значительных инноваций со всей очевидностью свидетельствует о том, что во второй половине VI – начале V вв. до н.э. массовых миграций в эти районы не произошло. Данное обстоятельство можно, как представляется, объяснить тем, что племенные объединения "тасмолинцев" Центрального Казахстана и "улубаевцев" Северного Казахстана были еще достаточно сильны, чтобы не допустить массового притока на свою территорию кочевников извне.

Появление в конце VI – начале V вв. до н.э. на территории Южного Урала нового быстро крепнущего этнопотестарного объединения кардинальным образом изменило расстановку сил в Урало-Казахстанских степях. Ведущую роль в этом регионе постепенно начинают играть кочевники Южного Урала. Со временем они, а не "тасмолинцы" Центрального Казахстана становятся "законодателями моды" не только в материальной, но, вероятно в какой-то степени, и в духовной культуре. Проявлением этого стал процесс постепенной "сарматизации" культуры кочевников восточной части Урало-Казахстанских степей, начавшийся, вероятно, уже с начала V в. до н.э. (Таиров, 1993а, с. 201).

Усиление роли южноуральских кочевников было обусловлено не только факторами связанными со становлением этнопотестарного объединения в степях Южного Урала (ломка старых стереотипов культуры и формирование новых, деформация основных структур нормативного фактора, социальная дифференциация общества, выделение в ней военной прослойки, возрастание роли военных вождей и т.п.), но, очевидно, и рядом других обстоятельств. Одним из них было то, что население Южного Урала, в особенности племена Южного Зауралья,

становится независимым в получении цветного металла от кочевников Центрального Казахстана. Потребности в нем удовлетворяются теперь за счет иткульских племен лесостепного Зауралья.

В VI – начале V вв. до н.э. в степи и лесостепи Обь-Иртышья и Верхнем Приобье отчетливо фиксируется приток кочевого населения из Северного и Центрального Казахстана, принявшего участие в сложении ряда культур этого региона. Миграции "тасмолинцев", "улубаевцев" и саков Приаралья, имевшие, по мнению В.А. Могильникова, характер отдельных импульсов, отчетливо фиксируются начиная с первой половины VI в. до н.э., причем первоначально, в VI–V вв. до н.э., это были преимущественно саки Приаралья (Могильников, 1999, с. 136; 2001, с. 65). С притоком ираноязычного степного населения в VI – первой половине V вв. до н.э. он связывает распространение в лесостепи и степи Обь-Иртышского междуречья и в Верхнем Приобье подкурганного способа захоронения и, отчасти, западной ориентировки погребенных, каменных жертвенников без ножек, некоторых форм керамики и образцов звериного стиля, а также, возможно, появление обряда захоронения в подбоях и могильных ямах с дромосом. С погребальными конструкциями саков Казахстана в виде каменных ящиков, по его мнению, возможно генетически связаны обкладки стен могильных ям плахами или горбылем, а также деревянные рамы на дне могильных ям (Могильников, 1995, с. 106, 107; 1997, с. 16, 88, 103; 1997а, с. 129; 1999, с. 136, 137). Однако вывод о миграции саков Приаралья в указанные В.А. Могильниковым регионы данными погребального обряда, на наш взгляд, не подтверждается, хотя, безусловно, данный вопрос требует специального исследования³. Погребальный же инвентарь, аналогии которому имеются в Приаралье, типичен и для ранних кочевников тасмолинской общности VII–VI вв. до н.э. В Северном и Центральном Казахстане мы находим и истоки ряда инноваций в погребальном обряде некоторых культур степного и лесостепного Обь-Иртышья и Верхнего Приобья VI–V вв. до н.э. Исходя из этого, мы считаем, что в VI – начале V вв. до н.э. в эти районы мигрировали племена Центрального и Северного Казахстана. Их участие в сложении ряда культур раннего железа Верхнего Приобья признают, в настоящее время, большинство исследователей. Различается только оценка степени участия в их сложении местного и пришлого компонентов (см. например: Уманский, 1986, с. 35; Абдулганеев, 1993, с. 52, 56; Троицкая, Бороодовский, 1994, с. 74–77, 106; Кунгуров, Фролов, 1995, с. 96–99; Ведянин, Кунгуров, 1996, с. 114; Кирюшин, Кунгуров, 1996, с. 133; Кирюшин, Фролов, 2000, с. 42; Шамшин и др., 1996, с. 88; Матвеева, 1998, с. 364; Фролов, 1999, с. 216–219; Шмидт, Служак, 1999, с. 113; Кирюшин, Фролов, 2000, с. 42; Могильников, 2000, с. 121, 122).

Так, по мнению ряда исследователей, оформление староалейской и каменной культур происходило под мощным влиянием сакских племен (Кирюшин, Кунгуров, 1996, с. 133; Могильников, 1997, с. 8).

Определенное влияние со стороны "...культур сакского и савроматского круга памятников" испытала и быстринская культура VI–II вв. до н.э. северных предгорий Алтая (Киреев, Вдовина, 2000, с. 187). Среди памятников этой культуры выделяется как инородный могильник VI в. до н.э. Точилинский Елбан. Здесь выявлена группа погребений вытянуто на спине головой в северо-западный сектор. Данная ориентировка, как указывают М.Т. Абдулганеев и А.А. Тишкин, необычна для скифского и раннескифского времени лесостепной и предгорной зон Алтая, а также для пазырыкских памятников. Зато такая ориентировка и положение погребенных вытянуто на спине характерна для памятников тасмолинской и саргатской культур. Скорее всего, появление этих погребений могильника Точилинский Елбан, так же как и ряда других подобных комплексов VI в. до н.э. горно-предгорной зоны Алтая, связано с проникновением кочевников Северного и Центрального Казахстана (Абдулганеев, Тишкин, 1999, с. 102, 103, 109; см. также: Абдулганеев, Папин, 1999, с. 12). С воздействием, вероятно, кочевых племен Казахстана связано появление на Средней Катуни погребений "вытянуто на спине", большинство которых датируются концом VI–началом V вв. до н.э. (Степанова, 1999, с. 511, 512).

В ходе этих миграций в лесостепное и степное Обь-Иртышье было привнесено более передовое по тем временам вооружение и конская упряжь. Именно во второй половине VI – на рубеже VI–V вв. до н.э. здесь появляются первые железные мечи и кинжалы, которые полностью копируют западные "савроматские" образцы, трехлопастные и трехгранные втульчатые наконечники стрел. В это же время происходит смена бронзовых удил железными, появляются и распространяются железные двудырчатые псалии (Могильников, 1997, с. 36, 55, 61; Иванов Г.Е., 1993, с. 57; 1999, с. 59).

Говоря о причинах миграции саков Казахстана и Приаралья на север и северо-восток – в зауральско-западносибирскую лесостепь, Обь-Иртышское степное и лесостепное междуречье и в Верхнее Приобье, В.А. Могильников ведущую роль отводит социально-экономическому фактору – "...стремлению к овладению новыми пастбищами, которые в лесостепи были в основном летними. Сако-персидские войны VI в. до н.э. могли стать дополнительным стимулом, подталкивающим саков к миграции на относительно слабо заселенные до этого степь и лесостепь Обь-Иртышского междуречья и Верхнего Приобья" (Могильников, 1997а, с. 131. См. также: Иванов Г.Е., 1987, с. 17–20; Могильников, 1999, с. 136, 137; 2001, с. 65). Одной из причин миграции саков, по его мнению, могло быть и отступление "тасмолинцев из Южного Приуралья на восток под давлением кочевников Южного Приуралья (савроматов)" (Могильников, 1999, с. 136). В качестве причин миграции указывалась также и экологическая обстановка в степи (Могильников, 1979, с. 45–47; 1988, с. 30, 31; Корякова, 1997, с. 142).

Как представляется, продвижение кочевников Урало-Казахстанских степей на север и северо-восток было обусловлено взаимодействием трех основных факторов. Во-первых, экологической обстановкой в степи в VI вв. до н.э., особенно во второй его половине, во-вторых, историческими событиями конца VI – начала V вв. до н.э. в Средней Азии, в частности в Приаралье, и, в-третьих, изменением в это же время этнополитической ситуации в Урало-Казахстанских степях.

Экологические условия в Урало-Казахстанских степях в VI в. до н.э. способствовали подъему скотоводческой экономики и, соответственно, росту численности населения, что, свою очередь, обуславливало расширение ареала культур (Таиров, 2003). Однако, следует подчеркнуть, что длительные благоприятные климатические условия, в связи с увеличением поголовья скота и ростом численности населения, могут привести к истощению природных ресурсов освоенной территории. Данное обстоятельство, если оно имело место, также может стимулировать расширение ареала культур за счет освоения новых летних и зимних пастбищ. Однако освоение новых летних, да и зимних, пастбищ не приводит, как правило, к оседанию и переходу к полукочевому скотоводству. Другое дело, если возможности освоения новых пастбищ исчерпаны. В таком случае неизбежна миграция отдельных групп кочевников (избыточное население) за пределы уже освоенного ими региона. Вероятно такая ситуация имело место в степях Северного и Центрального Казахстана уже в VI в. до н.э. Это вынудило часть населения Урало-Казахстанских степей передвинуться на восток – в степное Обь-Иртышское междуречье и предгорья Алтая. Здесь, как уже отмечалось, воздействие казахстанских номадов на культуру местного населения фиксируется с первой половины VI в. до н.э. (Могильников, 1999, с. 136; Абдулганеев, Тишкин, 1999, с. 109; Абдулганеев, Папин, 1999, с. 12; Фролов, 1999, с. 218).

Образование быстро набирающего силу этно-потестарного кочевого объединения в степях Южного Урала сопровождалось значительным ростом численности населения в регионе. Данное обстоятельство, вероятно, вызвало столкновения за наиболее ценные кочевниками зимние пастбища, расположенные в полосе современных пустынь Средней Азии и Казахстана (Таиров, 1993, с. 6, 7). Борьба шла между номадами Южного Зауралья, с одной стороны, и кочевниками Центрального и Северного Казахстана, с другой стороны, за территории, примыкающие к Нижней и Средней Сырдарье – Приаральские Каракумы и Кызылкумы. Ценность этих территорий особенно возросла в связи с начавшимся формированием на Нижней и Средней Сырдарье ремесленно-земледельческих центров. Вероятно в ходе этой борьбы южнозауральские племена уже в начале V в. до н.э. оттеснили тасмолинцев в низовья Сарысу и пески Мойынкум. Тем самым кочевники Южного Зауралья не только значительно сократили площади зимних пастбищ тасмолинцев, но и лишили племена Центрального и Северного Казахстана возможности непосредственных контактов с кочевыми и полукочевыми племенами Средней Азии, а также с присырдарьинскими ремесленно-земледельческими центрами.

Следует подчеркнуть, что именно зимние пастбища являлись основным лимитирующим фактором численности кочевого объединения. При отсутствии необходимых площадей этих пастбищ неизбежно происходит оседание кочевников и переход их к полукочевому скотоводству или даже к полной оседлости. Оседание осуществляется на границах земледельческих оазисов или в районах летних пастбищ с благоприятными природными условиями для ведения полукочевого скотоводческого хозяйства. Такими районами являются горно-лесные массивы в Урало-Казахстанских степях (Улутау, Боровое, Баян-Аул, Каркаралинск, Кент и др.), а также лесостепные районы Зауралья и Западной Сибири. Благоприятны для кочевого и полукочевого скотоводства и степные предгорья Алтая.

Потеря наиболее ценных зимних пастбищ создала, очевидно, кризисную демографическую ситуацию в степях Северного и Центрального Казахстана. Обострению обстановки способствовали, вероятно, и длительные благоприятные климатические условия предшествующего времени. Они, как уже отмечалось, могли привести к истощению природных ресурсов освоенной территории в связи с увеличением поголовья скота и ростом численности населения. Выходом из этого кризиса стало расширение ареала тасмолинской и тасмолинско-улубаевской культур. Проявилось оно в уходе части населения Северного и Центрального Казахстана на север, северо-восток и восток – в Ишимскую лесостепь, в степное и лесостепное Обь-Иртышье, а также в северо-западные и северные предгорья Алтая и в Верхнее Приобье. Кочевники, пришедшие в Ишимскую и Барабинскую лесостепь, приняли участие в сложении саргатской культуры, ушедшие же в Обь-Иртышское междуречье и в Верхнее Приобье приняли участие или оказали определенное влияние на сложение каменской, староалейской, быстрианской культур (Могильников, 1997а, с. 131).

Как уже отмечалось, результатом исторических событий второй половины VI–начала V вв. до н.э. в Средней Азии и, в частности в Приаралье, стал отток части кочевых и полукочевых племен среднеазиатского междуречья за пределы региона (Таиров, 1999; 2000а, с. 16, 17). Возможно, что какие-то незначительные их группы и могли оказаться в степном и лесостепном Обь-Иртышье и Верхнем Приобье (Могильников, 1997а, с. 129; 2001, с. 65), что, впрочем, мало вероятно. Более вероятным представляется их проникновение в зауральско-западносибирскую лесостепь, где они приняли участие в сложении гороховской и саргатской культур. Отметим также, что в гороховской культуре прослеживается больше, нежели в саргатской, параллелей со Средней Азией. Это обстоятельство, заставляет нас предполагать, что основной поток мигрантов из среднеазиатского междуречья в лесостепь был направлен в Южное Зауралье. Кроме того, доля выходцев из Средней Азии в составе мигрировавших в лесостепь ираноязычных кочевников в Зауралье была, вероятно, значительно выше, чем в Западной Сибири. Основную массу переселенцев в Западную Сибирь (Ишимская и Барабинская лесостепь) составили, на наш взгляд сакские племена Северного и Центрального Казахстана. Этот вывод подтверждается и сделанным М.К. Хабдулиной наблюдением о том, что "...сложившийся к V–IV вв. до н.э. саргатский погребальный обряд поражает удивительным сходством с обрядом Северного Казахстана... Совпадают все ведущие характеристики обряда". По ее мнению, это сходство обусловлено, не только генетическим родством, корни которого уходят вглубь эпохи бронзы, но и перемещением части кочевого населения Северного Казахстана в лесостепь (Хабдулина, 1994, с. 83, 84).

Кроме того, мы не можем исключить и вероятность инфильтрации в ходе этих событий небольших групп населения или даже отдельных лиц из степей Южного Урала как в Северный и Центральный Казахстан, так и в лесостепное и степное Обь-Иртышье. В этом плане показателен, на наш взгляд, комплекс конца VI–начала V вв. до н.э. Новообинского кургана в Верхнем Приобье. Здесь вместе с длинным железным мечом, имеющим брусковидное навершие и почковидное перекрестие, бронзовыми трехлопастными, трехгранными и четырехгранным втульчатыми наконечниками стрел со сводчатыми головками, железным двудырчатым Г-образным псалием, найден бронзовый колычаный крюк, ближайšie аналогии которому встречены в материалах этого времени с территории Южного Урала (Иванов, Медникова, 1982, с. 91–94. Рис. 1; Могильников, 1997, с. 39. Рис. 35). Железный меч из этого кургана, также как и железный кинжал из Малого Гоньбинского Кордона I с бронзовым брусковидным навершием и почковидным перевернутым перекрестием (вторая половина VI–начала V вв. до н.э.), имеет форму идентичную образцам с Южного Урала и степей Восточной Европы (Могильников, 1997, с. 36, 38, 39; 1997а, с. 126; Абдулганеев, Кунгуров, 1990, с. 100, 101). Западные аналогии имеет и биметаллический кинжал с брусковидным навершием и широким бабочковидным перекрестием, найденный у озера Маркаколь в Западном Алтае (Арсланова, 1979, с. 96).

Итак, в конце VIII в. до н.э. или на рубеже VIII–VII вв. до н.э. Урало-Казахстанские степи, после долгого периода относительного запустения, были вновь освоены мигрантами из Северного и Северо-Западного Китая и Монголии. Генетическая близость мигрантов и естественно-географические особенности Урало-Казахстанских степей привели к оформлению уже в VII в. до н.э. тасмолинской историко-этнографической общности, включающей три крупных объединения кочевников – североказахстанское (улубаевско-тасмолинская культура), центральноказахстанское (тасмолинская культура) и южнозуральское (бобровско-тасмолинская культура). Ведущую роль в тасмолинской общности в VII–VI вв. до н.э. играли, несомненно, племена Центрального Казахстана, главенствующее положение которых базировалось на контроле за источниками цветного металла – медными месторождениями региона.

Основой не только сложения, но и функционирования тасмолинской историко-этнографической общности являлась пастбищно-кочевая система или система сезонного распределения пастбищ и водных источников. Эта система во многом определила связи ранних кочевников Урало-Казахстанских степей с кочевыми и полукочевыми племенами Средней Азии и населением лесостепи Зауралья и Западной Сибири.

Естественно-географические особенности двух крупных регионов Урало-Казахстанских степей, Южного Зауралья, с одной стороны, Северного и Центрального Казахстана, с другой, предопределили специфику хозяйства их населения, пути кочевков, места сезонных пастбищ и, в конечном счете, преимущественное направление экономических, культурных и потестарно-политических связей, конкретное историческое окружение.

Основной вектор интересов кочевников Северного и Центрального Казахстана в VII – первой половине VI вв. до н.э. был направлен на юго-запад, в Приаралье, и на юго-восток, на Алтай. Связи же с лесостепными племенами Западной Сибири (Тоболо-Иртышское междуречье) были достаточно слабы и эпизодичны. Западная Сибирь в этот период не представляла интереса для кочевого социума.

Если взаимосвязи кочевников Северного и Центрального Казахстана с Приаральем во многом были обусловлены пастбищно-кочевой системой, в частности расположением зимовок, то в основе взаимосвязей с племенами Алтая лежали экономические интересы – потребность в цветном металле, прежде всего, в олове для собственного металлургического производства. Генетическое же родство с племенами Алтая облегчало эти взаимосвязи, делая их более глубокими, охватывающими не только экономику, но и потестарно-политическую и духовно-идеологическую сферы.

Во второй половине VI – первой половине V вв. до н.э. в степи и лесостепи Евразии происходят значительные изменения, которые однако почти не сказались на племенах тасмолинской общности Северного и Центрального Казахстана. Данное обстоятельство можно, как представляется, объяснить тем, что племенные объединения "тасмолинцев" Центрального Казахстана и "улубаевцев" Северного Казахстана были еще достаточно сильны, чтобы не допустить массового притока на свою территорию кочевников извне, в частности из Средней Азии.

Появление в конце VI–начале V вв. до н.э. на территории Южного Урала нового этнопотестарного объединения кардинальным образом изменило расстановку сил в Урало-Казахстанских степях. Ведущую роль в этом регионе постепенно начинают играть кочевники Южного Урала. Со временем они, а не "тасмолинцы" Центрального Казахстана становятся "законодателями моды" не только в материальной, но, вероятно в какой-то степени, и в духовной культуре.

В VI – начале V вв. до н.э. в степи и лесостепи Обь-Иртышья и Верхнем Приобье отчетливо фиксируется приток кочевого населения из Северного и Центрального Казахстана, принявшего участие в сложении ряда культур этого региона. Миграция "тасмолинцев" и "улубаевцев" на север и северо-восток – в западносибирскую лесостепь, Обь-Иртышское степное и лесостепное междуречье и в Верхнее Приобье обуславливалось взаимодействием трех основных факторов. Во-первых экологической обстановкой в степи в VI в. до н.э., особенно во второй его половине, во-вторых, историческими событиями конца VI – начала V вв. до н.э. в Средней Азии, в частности в Приаралье, и, в-третьих, изменениям в это же время этнополитической ситуации в Урало-Казахстанских степях. Кочевники тасмолинской общности, пришедшие в Ишимскую и Барабинскую лесостепь приняли участие в сложении саргатской культуры, ушедшие же в Обь-Иртышское междуречье и в Верхнее Приобье приняли участие или оказали определенное воздействие на сложение каменской, староалейской и быстрианской культуры.

Результатом борьбы кочевников Южного Зауралья и кочевников Северного и Центрального Казахстана за наиболее ценные кочевниками зимние пастбища, примыкавшие к Средней и Нижней Сырдарье, стало вытеснение "тасмолинцев" и "улубаевцев" в низовья Сарысу и пески Мойынкум. Тем самым кочевники Южного Зауралья не только значительно сократили площади зимних пастбищ "тасмолинцев", но и лишили племена Центрального и Северного Казахстана возможности непосредственных контактов с кочевыми и полукочевыми племенами Средней Азии, а также с присырдарьинскими ремесленно-земледельческими центрами.

Примечания:

1 В настоящее время лишь комплексы курганов с «усами» обоснованно исключены из числа характерных памятников тасмолинской культуры (Боталов, Таиров, Любчанский, 2006).

2. По мнению Э.Ф. Кузнецовой (1993, с. 176), вариант использования тасмолинцами руд месторождения Саяк мало реален. Скорее всего ими использовались руды территориально более близких месторождений экибастузской группы, Майкайна и Шуптыкуля.

3. Сомнения в возможности миграции саков Приаралья во второй половине VI–начале V вв. до н.э. в Верхнее Приобье уже высказывались в литературе (см. например: Фролов, 1999, с. 217; 2001, с. 153).

Список литературы:

- Абдулганеев М.Т. Памятники бийского этапа на Верхней Оби // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 51–56.
- Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.А. Могила раннескифского времени около Барнаула // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 97–104.
- Абдулганеев М.Т., Панин Д.В. Памятники раннескифского времени в междуречье Бии и Катунь // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 5–13.
- Абдулганеев М.Т., Тишкин А.А. Погребальные комплексы скифского времени левобережья низовьев Катунь // Древности Алтая. Изв. лаборатории археологии. № 4. Горно-Алтайск. С. 99–111.
- Акишев К.А. К проблеме происхождения кочевничества в аридной зоне древнего Казахстана // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972. С. 31–46.
- Акишев К.А. Экономика и общественный строй Южного Казахстана и Северной Киргизии в эпоху саков и усуней (V в. до н.э.–V в. н.э.): Науч. докл., представленный в качестве дис. ... докт. ист. наук. М., 1986. – 48 с.
- Арсланова Ф.Х. Предметы вооружения из Казахстанского Прииртышья // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства. Тез. докл. Всесоюз. археологической конф. Кемерово, 1979. С. 95–98.
- Барцева Т.Б. Цветной металл из Среднего Приишимья (по материалам Северо-Казахстанской экспедиции) // Ранний железный век и средневековые Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1987. С. 65–83.
- Берденов С.А. Древнее горное дело Казахстана // Древнейшие этапы горного дела и металлургии в Северной Евразии: Каргалинский комплекс. Материалы симпозиума. М., 2002. С. 81–82.
- Боталов С.Г., Таиров А.Д., Любчанский И.Э. Курганы с «усами» урало-казахстанских степей. Челябинск, 2006. – 232 с.
- Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л. Грунтовый могильник староалейской культуры Обские Плеса 2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 88–114.
- Дегтярева А.Д. Металлообработка раннего железного века Среднего Приишимья // Западная Сибирь – проблемы развития. Тюмень, 1994. С. 20–31.
- Иванов Г.Е. Вооружение племен лесостепного Алтая в раннем железном веке // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 6–27.
- Иванов Г.Е. Новые находки оружия раннего железного века в лесостепном Алтае // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 52–62.
- Иванов Г.Е. К проблеме реконструкции военного дела каменской культуры // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 55–60.
- Иванов Г.Е., Медникова Э.М. Новообинский курган // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 89–95.
- Кадырбаев М.К. Памятники Тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. С. 303–433.
- Кадырбаев М.К. Курганы Котанэмеля // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 127–132.
- Киреев С.М., Вдовина Т.А. Погребальный обряд быстринской культуры // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии / Материалы регион. археолого-этнографической студ. конф. Т. I. Новосибирск, 2000. С. 187–189.
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Могильник раннего железного века Староалейка 2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 115–134.
- Кирюшин Ю.Ф., Фролов Я.В. Памятники скифского времени (VI–III вв. до н.э.) на территории Павловского района // Павловский район: очерки истории и культуры. Барнаул; Павловск, 2000. С. 42–50.
- Королюк Е.А., Артемов И.А. Растительные остатки в захоронении Аржан-2 (Тува) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 2 (10). С. 124–126.

- Корякова Л.Н. Гаевский могильник в контексте эволюции саргатской культурной общности // Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Гаевский могильник саргатской общности: антропологическое исследование. Екатеринбург, 1997. С. 138–154.
- Кузнецова Э.Ф. Бронзовые предметы из могильника Сынтас по данным спектрального анализа // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976. С. 157–162.
- Кузнецова Э.Ф. Изучение продуктов древнего производства из поселения Атасу (по данным спектрального анализа) // Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата, 1977. С. 116–124.
- Кузнецова Э.Ф. Состав металла наконечников стрел Казахстана сакско-савроматского времени // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1980. С. 152–164.
- Кузнецова Э.Ф. Спектроаналитическое изучение металлического инвентаря из тасмолинских памятников Центрального Казахстана // Проблемы реконструкции хозяйства и технологий по данным археологии. Петропавловск, 1993. С. 172–178.
- Кунгуров А.Л., Фролов Я.В. Могильник раннего железного века на МГК-1 // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая (Тез. научно-практической конф.). Барнаул, 1995. С. 94–99.
- Маргулан А.Х. Горное дело в Центральном Казахстане в древние и средние века // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972. С. 3–30.
- Маргулан А.Х. Джекказган – древний металлургический центр (Городище Милыкудук) // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973. С. 3–42.
- Матвеева Н.П. Социальное развитие народов западносибирской лесостепи в раннем железном веке // Сибирь в панораме тысячелетий (Материалы международного симпозиума). Т. 1. Новосибирск, 1998. С. 359–366.
- Могильников В.А. К вопросу о причинах и характере миграций в лесостепи Западной Сибири в раннем железном веке // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск, 1979. С. 45–47.
- Могильников В.А. Особенности социально-экономического развития и демографические процессы в Западной Сибири в железном веке // Некоторые проблемы сибирской археологии. М., 1988. С. 29–47.
- Могильников В.А. О савромато-сарматской миграции в лесостепь и степь Обь-Иртышского междуречья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Материалы научно-практической конф. Вып. V. Ч. II. Барнаул, 1995. С. 106–109.
- Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М., 1997. – 195 с.
- Могильников В.А. К генезису культур Западной Сибири в эпоху раннего железа // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск, 1997а. С. 126–132.
- Могильников В.А. К характеристике раннего железного века северо-западных предгорий Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 134–138.
- Могильников В.А. Основные достижения российской археологии XX в. в изучении железного века Западной Сибири // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: Материалы науч. конф.: 75 лет со дня рождения В.Ф. Генинга. Ижевск, 2000. С. 119–123.
- Могильников В.А. К проблеме этногенеза самодийских народов Западной Сибири // Самодийцы. Материалы IV Сибирского симпозиума "Культурное наследие народов Западной Сибири". Тобольск–Омск, 2001. С. 64–68.
- Степанова Н.Ф. О своеобразии памятников скифского времени Средней Катуни // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. V. Материалы VII Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН, Декабрь, 1999 г. Новосибирск, 1999. С. 509–513.
- Таиров А.Д. Пастбищно-кочевая система и исторические судьбы кочевников Урало-Казахстанских степей в начале I тысячелетия до новой эры // Скифо-сибирский мир (социальная структура и общественная организация). Тезисы докладов Всесоюзной археологической конференции. Часть II. Кемерово, 1989. С. 27–30.
- Таиров А.Д. Ранние кочевники Южного Зауралья в VII–II веках до новой эры: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – 07.00.06.–археология. М., 1991. 27 с.
- Таиров А.Д. Ранние кочевники Южного Зауралья в VII–VI вв. до н.э. // Научная конференция по проблемам краеведения северных районов Казахстана (21–23 ноября 1990 года). Тезисы докладов и сообщений. Кустанай, 1992. С. 26–27.
- Таиров А.Д. Пастбищно-кочевая система и исторические судьбы кочевников урало-казахстанских степей в I тысячелетии до новой эры // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург, 1993. С. 3–23.
- Таиров А.Д. Ранние кочевники Южного Зауралья и сакский мир в VII–II вв. до н.э. // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Тез. докл. XII Уральского археологического совещ. Екатеринбург, 1993а. С. 200–201.
- Таиров А.Д. Средняя Азия во второй половине VI в. до н.э. и кочевой мир Южного Урала // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 173–175.
- Таиров А.Д. Ранний железный век // Древняя история Южного Зауралья. Т. II. Ранний железный век и средневековье. Челябинск, 2000. С. 4–205.

- Таиров А.Д. Прохоровская культура Южного Урала: генезис и эволюция // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: Материалы IV международ. конф. "Проблемы сарматской археологии и истории". Вып. I. Самара, 2000а. С. 16–28.
- Таиров А.Д. Изменения климата степей и лесостепей Центральной Евразии во II–I тыс. до н.э.: Материалы к историческим реконструкциям. Челябинск, 2003. 68 с
- Таиров А.Д. Кочевники урало-казахстанских степей и Приаралья в VII – VI вв. до н.э. // Вестник Челябинского университета. Серия 10. Востоковедение. Евразийство. Геополитика. 2003а. № 2. С. 158–173.
- Таиров А.Д., 2005. Ранние кочевники урало-казахстанских степей в VII–II вв. до н.э.: Автореф. дисс. ... д.и.н.: 07.00.06–археология. М., 1995. – 54 с.
- Таиров А.Д., 2006. К вопросу о генезисе культур раннесакского времени урало-казахстанских степей // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Серия «Этногенез уральских народов». Челябинск, 2006. С. 256–298.
- Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск, 1994. – 184 с.
- Уманский А.П. К вопросу о периодизации большереченской культуры // Скифская эпоха Алтая (Тез. докл. к конф.). Барнаул, 1986. С. 32–36.
- Фролов Я.В. Некоторые проблемы в изучении памятников, датируемых VI–V вв. до н.э. в Барнаульско-Бийском Приобье // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 211–219.
- Фролов Я.В. Староалейская культура (по данным погребальной обрядности) // Историко-культурное наследие Северной Азии. Барнаул, 2001. С. 149–155.
- Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы, 1994. 170 с.
- Шамшин А.Б., Фролов Я.В., Медникова Э.М. Бобровский грунтовый могильник // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 69–88.
- Шмидт А.В., Служак И.В. Новый грунтовый могильник раннего железного века в Барнаульском Приобье // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Материалы Всерос. научно-практической конф. Вып. X. Барнаул, 1999. С. 110–113.